

Ты побежден, ш а р и а т!

они для них начиналась новая жизнь.

Но вечером, когда Бариат возвращалась темной улицей с концерта, ей в плечо вдруг ударил камень. Она отшатнулась. А камни летели один за другим, они сыпались дождем, падали в лужи, обрызгивая грязью ее лучшее платье. Но сильнее ранили грязные слова оскорблений. Она рыдала всю ночь: «Ни за что, никогда больше не выйду на сцену».

А утром тихо отворилась дверь. Старуха принесла ей молока.

— Ты не горюйся, дочка. Это мулла натравил на тебя мальчишек. А нам ты дела большую радость. Спасибо тебе!

Но горе не прошло. Оно схоронилось в сердце рубцом, который болел от слов, от встреч. Дядю Джамальтына Бариат любила. Он тоже, наверное, любил ее, но не утихали его угрозы убить племянницу. Плакали, томились запреты девушки-горянки. Бариат знала их слезы. А иногда в тишине зрительного зала ей чудились вдруг злое лицо, ненавидя-

мовой голос. Кричит мулла, непрерывно кричит мулла. Актриса произносит слова, которые требуют по роли, но в словах этих бьется боль всей жизни Бариат, горе многих ее подруг. Слезы, неподдельные, неартистические. В зале плачут люди. После ее монолога зрители поднимаются и стоя долго аплодируют ей, а она по-прежнему не может удержать рыданий. Но в них уже лучится радость.

Может быть, прорвалось заветное слово? Может быть, она сумела сказать людям о самом главном? Сумела поднять доброту из глубины их сердец? Ты покачнулся, шариат!

Да, Бариат, это твой очень счастливый день. Ты выпустила на волю горький крик, который давно душил твое сердце! Когда приходит радость, слезы очень быстро высыхают. К тебе обращены со всех сторон благодарные улыбки людей. И вдруг среди них, словно удар кинжала, — взгляд дяди Джамальтына:

— Люди, не слушайте ее. Она опозорила честь горянки. Вышла на сцену, и все мужчины могут смотреть на нее. Придет твой день, Бариат, и я первый брошу в тебя камень!

Когда зал опустел, Джамальтын пришел за кулисы, Бариат не удивилась, не улыбнулась, словно ждала его. Он шагнул к ней, первый раз сам шагнул к ней навстречу. Они смотрели друг на друга, они молчали. Но глаза племянницы — черные звездочки говорили ему все:

«Ты выгнал меня, дядя, ты сказал, что я позорю семью. А я стала дочерью народа. Меня во всех аулах Дагестана зовут «наша Бариат». Ты хотел убить меня. А ко мне однажды прямо на сцену пришел старик и сказал: «Хочешь — возьми себе остаток моей жизни. Только живи, Бариат. Тебе обязательно нужно долго жить». А в Тарках, где меня когда-то забросали камнями, сегодня встречают цветами. Понимаешь — камни превратились в цветы!».

Джамальтын молчал. Каменно сжались губы. А когда в окно на минуту заглянула луна, на лице его словно заиграли жемчужины росы. А может быть, это были слезы...

— Прости меня, Бариат! Я сегодня как никогда почувствовал, что даром пролил кровь за нашу Советскую власть. Я сегодня очень горжусь своими боевыми ранами. Я могу по капле отдать кровь за такой день, как сегодня. Он поцеловал Бариат.

А когда он ушел, на столе остался сверток. В свертке был ковер — ковер ее деда, ковер отца дяди Джамальтына.

Л. АКСЕНОВА.

На снимке: народная артистка РСФСР Б. Мурадова.
Фото В. Раевского.

Людей было много. Они заглядывали в окна, двери. Они заполнили всю улицу. Они стояли в проходах, на сцене. И трудно было понять, где кончается зрительный зал и начинается президиум. В президиуме сидела женщина. Это ее юбилей отмечался сегодня. Это ей принесли гору подарков, подарков дорогих и дешевых, навивных и серьезных. Это ей чабаны из далекого аула привели барана: «Прими наше золото!». Смешной подарок — ну куда денешь барана? Очень дорогой подарок. Это ей старая женщина накинула на плечи свой цветастый платок — память мужа. Муж погиб. Платок был самой священной вещью в доме.

А в последнем ряду сидел человек. Он плакал и прятал от всех лицо. Ему было радостно и стыдно. Когда зал опустел, Джамальтын прошел за сцену и подарил ей ковер. Это был самый дорогой подарок. Его история началась более тридцати лет назад.

— Девочка, куда ты? — несло со всех сторон. Только что конференсье объявил: «Сейчас выступит знаменитая актриса». И вдруг на сцену смело выбежала трехлетняя девочка. Она пела, танцевала, играла на гармонике, из-за которой едва виднелась ее макушка. Когда она кончила, конференсье схватил ее на руки и стал высоко, под самый потолок, подбрасывать «знаменитую актрису». Таким был дебют народной артистки РСФСР, депутата Верховного Совета СССР Бариат Мурадовой. А потом начался творческий гражданский путь, в котором радость густо перемешана с горем. Стала явью старая горская сказка о том, как девочка вступила в борьбу с драконом. Этот дракон сотни лет давил людей, унижал их достоинство. Имя его — шариат, религия слабых и униженных. Шариат набрасывал на двери железные замки, он заперщел девушкой смело взглянуть в глаза жизни, сказать о своих чувствах, желаниях. Выйти же перед людьми на сцену было равносильно несмыслаемому позору. Но она осмелилась. И первой ее ролью была восставшая девушка в национальной пьесе «Жертва шариата».

— Ты родилась, чтобы позорить наш род! — беспощадным проклятием прозвучал голос дяди Джамальтына, который, заменил ей погибшего отца. Братья стали стыдиться родства с ней.

Трудные это были годы. Годы коллективизации, годы борьбы за Советский Дагестан. Она стала актрисой. Люди любили ее искусство, но много еще было черных, враждебных сил, которые не упустили случая, чтобы обидеть, оскорбить. И за спиной у них всегда стоял хитрый, дживый, корыстный человек — мулла.

...В ауле Тарки было собрание. Радостный день — люди организовали колхоз. И вместе с ними она была особенно счастлива. Она пела теплее, чем раньше, танцевала красивее, чем всегда. Ей казалось, что люди, сидящие на крышах, на земле, принимали ее прямо к себе в сердце. С ее пе-

щие глаза. Нет, мулла из Тарок не был одинок. Было еще немало людей, которые верили ему, шли за ним.

Хотелось громко, на весь Дагестан, позвать этих людей из темноты, хотелось подарить им правду. В этих думах, переживаниях родилась роль Кастамы из пьесы «Красные партизаны».

Девушка, над которой надругался беговардец. Девушка, истерзанная своими близкими. Они мстили ей за жестокость врага. Слепы, ослепленные злобой, они обливали ее смолой, возили по аулу, засыпая камнями и проклятиями. За их спинами стоял черный призрак шариата. «Наказать, изгнать вон преступницу!» — шептали его сухие губы. Измученная, почти без дыхания, Кастама очнулась в пещере.

Зрители, затаив дыхание, следили за игрой Мурадовой. Слезы все льются. Бариат не видит декораций, не видит актеров.

— Будь ты проклята! — гро-